

РОМАН МРАЗЕК (БРНО)

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК К АКТУАЛЬНОМУ ЧЛЕНЕНИЮ В БОЛГАРСКОМ И В ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Разыскания в сфере т. наз. актуального членения (иначе: контекстуального членения, функциональной перспективы высказывания) продолжают быть весьма важной, настоящей задачей изучения славянских языков. Применительно к тому или другому, отдельно взятому, славянскому языку, за последние годы появилось несколько монографий (ср., например, Е. Георгиева 1974, И. И. Ковтунова 1976), имеются также и работы с сопоставительной установкой, однако в деле освещения всей проблематики на общеславянских сравнительных началах (методологически современных) не было пока сделано почти ничего. Притом интерес к семантике предложения, как и увлечение синтаксисом текста (т. е. сверхфразовых целых), несомненно, преумножают потребность и целесообразность исследований по актуальному членению (далее: АЧ) славянского высказывания.

Могут, правда, возразить, что к настоящему времени не существует даже и компаративистских синтаксических трудов, построенных на современных методологических принципах и рассматривающих структурные, чисто грамматические модели предложений в современных славянских литературных языках; а ведь ярус АЧ зиждется на этих чисто грамматических моделях. Подобное возражение, хотя и верное, не должно вызывать у исследователей, занимающихся вопросами АЧ, уныние и пассивное „выжидание“. Вот почему я лично весьма рад инициативе болгарских коллег, подготовивших настоящее чехословацко-болгарское совещание.

Трансформационный и порождающий синтаксис уделял вопросам словопорядка и фразовой просодии, как средствам оформления АЧ, лишь периферийное внимание. В проекте же деривационного синтаксиса, предложенном автором этих строк (Р. Мразек, *Синтаксическая деривация*, *Slavica Slovaca* 9, 1974, 287—293), фактору АЧ уже отводится подобающее ему место наряду с другими, строевыми индикаторами порождения любого конкретного высказывания, исходя от пропозиции и от элементарных, ядерных построений: словопорядок + фразовая просодема накладываются на почти готовое уже высказывание в качестве последнего деривационного шага на выходе. Схематически получается следующая цепочка деривационных шагов, причем промежуточные из числа их могут быть лишь факультативными, не реализуемыми:

(Пропозиция) → ядерное построение → фазовость предиката → частная модализация → дезагентивация → негативизация → адаптация формы финитного глагола → придание общего модального статуса → эмоционализация → актуальное членение (= Конкретное высказывание).

Проиллюстрируем это хотя бы одним примером, а именно при деривации (т. е. генерировании) русского восклицательного высказывания *Разве тебе курить бросить нельзя?! Мы получим следующую цепочку: Ты куришь → Ты бросишь курить → Ты можешь бросить курить → Тебе можно бросить курить → Тебе нельзя бросить курить → Тебе нельзя бросить курить? → Разве тебе нельзя бросить курить?! → Разве тебе курить бросить нельзя?!*

Многое в пределах АЧ славянских языков (большей частью флективных, со „свободным“ словопорядком) носит ярко выраженный индивидуально-речевой характер, с неисчислимым варьированием соответственных выражений на уровне поверхностной структуры; контекстов — миллиарды. Между тем, наши синтаксические исследования должны направляться на общие, системные явления, т. е. на закономерности, правила или по крайней мере общие тенденции. Другими словами: нужно уметь отбирать явления наиболее узуальные, нормативные, наиболее грамматичные, считаясь с их фактической встречаемостью, частотностью в речи. Выявляемые в сфере АЧ правила носят гораздо менее жесткий характер, чем правила структурно-формальной устроенности конкретных предложений. Таким образом, между полюсом вполне системных, наиболее употребительных словопорядково-просодематических оформлений коммуниката и полюсом случайных индивидуальных приемов его оформления имеется целая гамма постепенных переходов.

В описаниях явлений АЧ иногда встречается, на мой взгляд, одна методическая погрешность: авторы берут вырванные из контекста высказывания, да еще упрощенные, свернутые до минимума лексической репрезентации. Представляется, что убедительные выводы возможно делать, лишь опираясь на эксплицитный более широкий контекст, отражающий все взаимодействие семантических, чисто грамматических и актуально коммуницируемых прагматических параметров. Тогда-то пластичнее предстанут перед нами и факты, связанные с т. наз. квантификацией и идентификацией (как было справедливо отмечено уже проф. И. Лековым), употреблением артикля в болгарском (членуване) и других языках и т. д.

Нельзя избавиться от впечатления, что основные положения В. Матеиуса — при всей их оригинальности — синтаксистами воспринимаются подчас чересчур догматически. Идея о членении всякого высказывания (или большинства высказываний) на тему и ремю подвергается некоторой фетишизации. Сама сущность концепции АЧ представляет собой нечто совсем естественное, очевидное, так что неоспоримая заслуга чешского языковеда состояла скорее в четком сформулировании, нежели в „открытии“ соответственных феноменов. По моему убеждению, далеко не все высказывания (прежде всего в письменной речи) распадаются на дихотомическое противопоставление темы и ремы. Речь идет, скорее, о разной степени контекстуального динамизма компонентов высказывания. Эти компоненты бывают наделены (но могут и не быть наделены) различным контекстуальным динамизмом; выделение данного (экспозиции, контекстуально уже „включенного“, темы, исходного пункта) и нового (кульминации, ремы,

ядра) часто оказывается просто невозможным или, по крайней мере, проблематичным. Необходимо подчеркнуть, что имеется в виду именно контекстуальный динамизм, поскольку коммуникативный динамизм и коммуникативная вескость, потребность компонентов высказывания является скорее уже делом самой лексической семантики этих компонентов. Итак, имеется высокий процент высказываний с „нулевой“ темой и с „комплексной“, многоступенчатой ремой, в пределах которой происходит дополнительное членение слагаемых по их актуальной значимости.

Еще одна опасность, как мне представляется, угрожает теории АЧ: возведение в догму справедливой, интересной идеи о том, что надо различать т. наз. первую и вторую инстанции актуальности и, в связи с этим, механическое распределение всех возможных коммуникатов на информативные и верификативные (с подразделением в обеих рубриках на обще- и частно-, ср. Прж. Адамец 1966). Встает возражение: можно ли здесь генерализировать?; верно ли, что всякое высказывание однозначно может быть отнесено в ту или иную рубрику?

Нельзя согласиться с мнением, будто АЧ является несоотносительным с грамматическим членением. Напротив, в ряде случаев грамматические характеристики стоят в непосредственном взаимодействии с выразителями АЧ (словопорядком и просодемой). И синтаксистам следует выявлять и объяснять это взаимодействие. Так, в болгарском языке, как известно, по причинам морфологического именного анализа синтаксиса словопорядок вообще более грамматичен, нежели в чешском языке, допуская поэтому меньшую палитру варьирования; справедливо Е. Георгиева (1974) на первом месте своей монографии рассматривает грамматический словопорядок. В связи с этим достаточно указать на такие примеры взаимоспаянности АЧ с чисто грамматической устроенностью предложения, как-то:

Выставка в Ленинграде (атрибут обстоятельственной природы) *ему не понравилась* × *В Ленинграде* (обстоятельство) *ему выставка не понравилась*; *Была темная ночь* (экзистенциальное предложение, где *темная ночь* — подлежащее) × *Ночь была темная* (совсем иная роль компонентов *темная* и *была*); *Принимают только чистые* (атрибут) *ботинки* × *Ботинки принимают только чистые* (предикативный определитель — но иногда этот компонент можно расценивать просто как дистантный атрибут, ср. уже у А. М. Пешковского); *Будет пять докладов* (экзистенциальное предложение, счетный оборот в позиции грамматического подлежащего) × *Доклады будут пять* (предложение с количественным предикатом).

Бывает, что высказывание с одним и тем же лексическим составом допускает целый ряд словопорядковых и просодематических модификаций. Притом часть из числа их может быть сопряжена с изменением самой внутренней грамматической значимости компонентов (как было только что показано); некоторые поверхностные структуры являются наиболее употребительными, „нейтральными“ (т. е. наиболее системными), иные же носят периферийный характер (например, на службах т. наз. второй инстанции в верификативных сообщениях), а еще иные могут оказаться уже неотмеченными, нормально вовсе неупотребительными, дефектными. Приведем еще один иллюстративный пример:

Чешское высказывание *Jiná je situace v bulharštině* „иным оказывается

положение вещей в болгарском языке“ допускает 24 словопорядковых расположения (т. е. 4!), а если принять в расчет еще просодические признаки, то общая численность теоретически возможных внешних оформлений возрастет почти до 100. Тем не менее наиболее обычными в первой инстанции будут лишь следующие: *Jiná je situace v bulharštině; Jiná situace je v bulharštině; V bulharštině je situace jiná; V bulharštině je jiná situace; Situace v bulharštině je jiná; Situace je jiná v bulharštině*. Заметим, как в силу АЧ здесь опять-таки видоизменяется сама синтаксическая значимость компонентов, весь синтаксический строй отдельных вариантов.

При межславянском сравнительном обзоре наибольшее количество расхождений мы находим не столь в плане формальных приемов, вызванных чисто контекстуальными факторами изменчивого АЧ, сколько в плане т. наз. фонетического (или же ритмического) порядка слов. По этому пункту — стоящему, собственно, весьма близко к чисто грамматическим факторам словопорядка — отдельные славянские языки довольно резко отличаются друг от друга в деталях, причем эти различия представляют серьезные трудности при усвоении неродного славянского языка. Касается фонетический принцип орфотонической или клитической природы нескольких сегментов текста с весьма значительной частотностью. Так, по-разному ведут себя прежде всего формы глагола *быть*, связочного или вспомогательного. Можно отметить такие факты, как-то: архаичную орфотонию этого глагола (вспомогательного) в лужицких языках (напр., в.-луж. *Sym sej črije kupila; Šće tón list dóstal?*), энклитичность форм типа *был, было, буду, будет* в определенных случаях в восточнославянских языках (напр., русск. *Надо было удалиться, Я должен был возражать*) или энклитичность форм типа *е, съм, са* в болгарском; последнее явление представляет весьма характерную изоглоссу для большей части южнославянского ареала вообще; имеются в виду примеры вроде болг.: *Вечер е; Петак е; Прохладно е; Ясно е, че ...; Много съм уморен; Отлични са; Прав е той; Гад е!*; Член *съм* на делегация, която... В чешском языке здесь нормально соответственные высказывания начинались бы со спрягаемой формы глагола *быть*.

Иными энклитиками выступают словечки типа болг. *се, си, ми, ви, ги*. Показательно, что меньше всего трудностей при компаративистике встречается в восточнославянских языках, ибо их аналоги здесь оказываются или орфотоническими, или постфиксальными сращениями. А в большей части славянских языков эти трудности значительны, с важными частными расхождениями от языка к языку, особенно если в пределах одного высказывания имеет место встречаемость нескольких подобных клитических словоформ. Ср. хотя бы следующие параллельные болгарские и чешские примеры: *Струва ми се, че... — Zdá se mi, že...; Праца ви много поздраву и се радва, че... — Posílá vám mnoho pozdravů a těší se, že...; Ако желаете, ще ви заведе до близката цветарница — Přejete-li si, zavedu vás do blízkeho květinářství; Много ми е неприятно — Je mi velmi nemilé*.

Правила дистрибуции в расстановке клитических сегментов еще усложняются, если дополнительно появляется негация. Негатирующая частица в разных славянских языках выступает то перед связкой или вспомогательным глаголом, то перед глагольным лексическим ядром, пишется то слитно, то раздельно, занимая притом неодинаковый пост в иерархии всех неор-

фотонических элементов. Ср. болгарско-чешские параллели: *Никой не си отиваше — Nikdo neodcházel; Това никак не ми харесва — To se mi vůbec nelíbí; Не ме блъскайте! — Nestrkejte mě!; Не ви се чудя — Nedivím se vám; Не съм вечерял — Nevečeřel jsem.* Бросается в глаза опять ситуация в лужицком: *Wón mi njeje ničò rjechl — On mi nic neřekl || Nic mi neřekl.*

Сравнительно с чешским языком внимание привлекает возможное финальное (или почти финальное) местоположение словоформ типа болг. *то, тя...* в случаях типа: *Червоното знаме също висеше неподвижно. За пръв път се издигаше то в Борово (Велков); Кольо и беше опротивяло то!; Хубава, наистина хубава мома беше станала тя.*

Если в целях АЧ в инициальную позицию болгарского высказывания выносятся имя с несубъектной ролью, то действительно известное грамматическое правило об удвоении такого партиципанта посредством местоимения. Например: *Баща му го нямаше в къщи — Jeho otec doma nebyl; Този ред тя (= наша партия) го намира несправедлив за нас, работниците и селяните — Tento řád naše strana shledává nespravedlivým...; Ще я уредим тая работа — My tu věc zařídíme; Ще го науча аз него! — Já ho naučím!; Автора са го вълнували проблемите на характера и епохата — Autora vzrušovaly problémy...*

На уровне свободно избираемых средств, стоящих исключительно на службе АЧ и не обусловленных грамматическими правилами, болгарский язык в общеславянской перспективе характеризуется явной тенденцией ставить контекстуальную кульминацию не в конце высказывания. Иначе говоря, он в большей мере тяготеет к субъективному (экспрессивному) внешнему оформлению АЧ, нежели, например, чешский язык, где преобладает финальная позиция ядра, т. е. „объективное“ взаимодействие средств АЧ. В этом отношении болгарский язык сходится с русским. Причины таких более широких совпадений и расхождений можно подозревать, между прочим, в длительном симбиозе чешского языка с немецким адстратом и с традицией латыни. Приведем сначала экзemplификацию инициального местоположения контекстуальной кульминации: *Уморен бях, мислеше си — Byl jsem unaven, myslel si; Много такива картини има нарисувани — Takových obrazů je namalováno mnoho; Малко бледо е лицето му — Tvář má poněkud pobledlou || Jeho tvář je poněkud pobledlá; Дете е още то, какво искат от него? — Je (to) ještě dítě, co od něho chtějí?; Страшно задушно е тук — Je tu strašně dusno.*

Часто инициальное местоположение кульминации, сопутствуемое логическим ударением, представлено в общевпросительных предложениях: *Свободен ли сте утре след обед? — Jste zítra odpoledne volný? || Máte zítra odpoledne čas?; В къщи ли прекарвате вечерите или излизате често? — Trávíte večery doma, nebo chodíte často ven?; Мъчна ли е тази работа? — Je ta věc těžká?*

Передко в речи встречается также и срединное местоположение кульминации: *Майка ти тук ли е? — Tvá maminka je tady?; Не са малко тия пари — Neň těch peněz málo; Аз ще се погрижа за това — Já se o to postarám || Postarám se o to; Мене не ми се яде месо днес — Nemám dnes na maso chuť.*

Свои заметки (кстати, синтаксиста-компаративиста, а не узкого специалиста по АЧ) хотелось бы мне заключить пожеланием многих дальнейших

творческих успехов нашим болгарским коллегам и друзьям при изучении актуального членения болгарского и славянского предложения. Ввиду морфологического именного аналитизма болгарского языка в нем могут быть вскрыты или применены кое-какие аналогичные факты, действительные, например, применительно к английскому языку; непревзойденным экспертом в этом отношении является Я. Фирбас. Было бы, пожалуй, полезно, если бы одинаковые (или близкие) точки зрения, схожие речевые и языковые явления получали по возможности также и единую металингвистическую терминологическую оболочку.